

УДК 82-94:94(100)"1914/19"

СОЛДАТСКИЕ МЕМУАРЫ: ЕФРЕЙТОР П.Г. ЖАКОВ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

С. В. Голикова

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 620990, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
avokilog@mail.ru

Эгодокументы участников Первой мировой войны – важный информационный ресурс наших знаний об этом военном конфликте. Воспоминания одного из них – уральца Павла Жакова – посвящены первым дням Галицийской битвы. В них рассказывается также о пребывании в учебной команде, а следовательно, о подготовке рядового состава к войне, об истории своего ранения и оказанной ему медицинской помощи, о тыловых, в том числе нелегитимных, практиках, позволивших избежать повторной отправки на фронт.

Ключевые слова: эгоисточники, воспоминания солдат, Первая мировая война, фронт, тыл, медицинская помощь раненым.

«...В исторических документах, которые пользуются преимущественным вниманием исследователей, “голоса” бывших российских солдат-фронтовиков чаще всего искажены: мир солдатского восприятия, опыта и поведения фрагментарно и с неизбежной тенденциозностью конструируется в мемуарах старших офицеров и военачальников русской армии. Но и такого рода свидетельства относительно редки... Однако проблема не ограничивается количественной недостаточностью этих воспоминаний: гораздо большую сложность для исторической реконструкции солдатского жизненного мира представляют качественные недостатки офицерских свидетельств. Их слабым местом является стереотипное представление об отсталости, темноте, “некультурности” солдатской массы» [Нарский, 2005, с. 194]. Подготовка к столетию с начала Первой мировой войны изменила эту ситуацию. Благодаря усилиям историков, архивистов и музейных работников, спасших от забвения письма, воспоминания, даже дневники, другие эгодокументы, рядовые участники войны перестали быть «безмолвствующим большинством».

Среди изданий выделяется сборник «Первая мировая: взгляд из окопа», составители которого считают, что, поскольку это была война массовых армий, наряду с «правдой начальства» и «правдой кадровых офицеров» в историографическую традицию следует ввести описания военного времени, вышедшие из под пера «основных участников», тех, кто «нес тяготы военных будней» [Первая мировая..., 2014, с. 3]. Востребованность их свидетельств, согласно С. Ушакину, объясняется тем, что у носителей «окопной правды» «отсутствие общей картины (войны) если не компенсировалось, то, по крайней мере, вытеснялось подробностью деталей» [Ушакин, 2008, с. 234].

Появились работы, в которых выявляются источниковый потенциал эготекстов Первой мировой [Хубулова, Сосранова, 2015], их информативные возможности [Абдрашитов, 2012; Намятова, 2014; Петрова, 2014]. Эгоисточники стали восприниматься как важная часть историко-культурного наследия. Недавно увидели свет воспоминания о Первой мировой войне уроженца Кунгурского уезда В. Н. Журавлева. Тем самым было положено начало формированию корпуса подобных текстов, написанных уральцами [Лобанов, Ощепков, Суржикова, 2014, с. 279]. Василий Журавлев был простого происхождения, но в действующей армии имел низший офицерский чин. Уральцами написаны и настоящие «солдатские мемуары», например, Павлом Гавриловичем Жаковым. Его текст хранится в семейном архиве у правнучки С. В. Кожокарь – директора Ильинского районного краеведческого музея Пермского края. С мемуарами позволили поработать участникам проекта «История Урала в эго-документах (XVIII – середина XX в.)», реализуемого в рамках Института истории и археологии УрО РАН [Суржикова, 2014, с. 230–236].

Среди военной мемуарной литературы, отечественной и зарубежной, воспоминаний солдат Первой мировой войны гораздо меньше, чем текстов, принадлежащих командному составу. Причина не в том, что выжить низшим чинам было труднее, чем офицерам. Люди из народа не видели смысла поверять бумаге то, что сохранялось в их памяти. Что уж говорить о российской «серой скотинке», которая в массе своей оставалась, мягко говоря, малограмотной, а потребность выразить

личные чувства, собственное отношение к кровавой и суровой окопной «правде» предпочитала реализовать, обращаясь к фольклорным жанрам и ритуалам.

Между Журавлевым и Жаковым много общего: оба из крестьян, практически ровесники, к написанию воспоминаний приступили в 1960-е гг., но в отличие от большинства мемуаристов из простого народа «путевку» в большую жизнь они получили не в годы советской власти. И жизненные траектории умышленных мальчиков получились разные. Постоянная нужда не позволила Павлу Жакову в отличие от Василия Журавлева после окончания начального училища продолжить образование и претендовать в случае призыва на получение офицерского чина. Если Журавлев был демобилизован только в декабре 1917 г., то пребывание на фронте Жакова из-за тяжелого ранения завершилось в 1914 г. Первая мировая оказалась периодом в его жизни, описанной с момента появления на свет в 1890 г. до конца 1930-х гг. Биографический текст Жакова дает возможность понять, что за человек был Павел Гаврилович и что двигало им при описании событий 1914–1918 гг.

Писать воспоминания Жаков начал за год до ухода из жизни – в феврале 1964 г., практически через пятьдесят лет после начала Первой мировой войны. Шестидесятые годы XX в. – особое время: уходило «на покой», а затем из жизни поколение людей, бывших активными участниками военных кампаний первой половины XX столетия. Они стремились увековечить память о себе, донести до современников и оставить потомкам собственное видение кровавых событий, очевидцами которых им довелось быть. Ветераны – от маршала до рядового – начали писать воспоминания, в их числе георгиевские кавалеры Первой мировой войны Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский.

К этому времени в триаде: Первая мировая война – Октябрьская революция – Гражданская война – наметились изменения: о первом мировом военном конфликте разрешено было рассказывать более подробно. Уходящее в историю пятилетие (1914–1918 гг.) уже не являлось актуальной современностью, мир стал другим. Советское государство доказало свою жизнеспособность, власть коммунистов представлялась современникам незыблемой, эмигранты первой волны стали восприниматься не только классовыми врагами, но и людьми, потерявшими родину. Конечно, первая мировая рассматривалась только в качестве пролога к более серьезным событиям. Жаков вполне соблюдает неписанные правила биографического жанра шестидесятых. Он называет войну «империалистической», сообщает, что более развитым солдатам муштра в «учебке» «была противна», заявляет о неподготовленности его части к войне, затем пишет о том, что «конца войны не было видно», а положение на фронте «было не блестящим», и это уже в 1915 г. «на кое что открыло глаза тем, кто думал». Полувекковая же дистанция не должна смущать исследователей. Еще мальчиком Паша Жаков был в состоянии размышлять над происходящим и излагать свои мысли на бумаге. «Измюминка» его воспоминаний заключается в том, что, поскольку служить ему довелось в низших чинах, он видел то, что не бросалось в глаза командному составу, а рассказать об этом мог так, как было не в состоянии большинство рядовых.

О войнах начала XX в., прежде всего о Первой мировой, Жаков и его близкие знали не понаслышке, поскольку, участвуя в них, получали увечья, пропадали без вести, гибли. Его старший брат Петр успел повоевать в Русско-японскую войну. Осенью 1905 г. он был призван в армию и служил сначала в Томске, затем на Дальнем Востоке, в Харбине, Чите и Нерчинске. В 1909 г. забрали служить второго брата – Федора. Как пишет мемуарист, «в связи с тревожным положением в мире» призыв того года «задержали в армии до весны 1913 года». Сам Павел попал в призыв 1912 г., к началу войны успел пройти «учебку», воевал на львовском направлении, был ранен и отправлен домой на долечивание, а затем «списан вчистую». Мировая бойня отняла у него двух старших братьев: Петр «умер с перебитым хребтом», а Федор пропал без вести. Выжил лишь брат Осип, черед служить которому наступил в начале 1916 г. По ранению он тоже получил отпуск домой, однако его не комиссовали. Только «развал» румынского фронта осенью 1917 г. позволил ему вернуться в родные места.

Вероятно, его воспоминания о Первой мировой были бы более информативными, поскольку военную лямку ему пришлось тянуть почти два года. Однако мы постараемся показать, что из братьев Жаковых, будь у них желание рассказать о войне и о своей жизни в эти годы, изложить все на бумаге без посторонней помощи смог лишь Павел.

Будущий мемуарист родился в деревне Жаковой Ильинской волости. В трех километрах от нее расположено широко известное как центр строгановских владений село Ильинское. Строгановы построили в этом месте школы, больницу, библиотеку, клуб и стремились поддерживать эти

заведения в хорошем состоянии. Развитая социокультурная среда сыграла положительную роль в судьбе Павла Жакова. Его братьев одного за другим отдавали в находившееся здесь двухклассное училище Министерства народного просвещения. Учебное заведение, курс в котором был рассчитан на пять лет, являлось единственной такого рода школой в округе. «По существу она равнялась среднему учебному заведению...» [Чехов, 1923, с. 42–43].

Однако у братьев «дело не пошло»: Осипа только попытались учить, Петр протянул в училище две зимы, Федор – три. Учеба давалась легко только Павлу: еще до поступления в школу он научился читать и писать, каждый учебный год заканчивал с отличием, «с подарками книг и похвальным листом». Заведующий советовал талантливому выпускнику продолжить образование, собирался хлопотать за него, ожидая только согласия учиться дальше. Но юноша, которому претиво чувствовать себя оборванцем, решил иначе. В семье достатка не было: своего хлеба хватало до февраля. Выручали промыслы: сельчане чеботарничали, плотничали, работали в каменоломнях. Как выражался Павел, и он «сел на седуху» вместе с братьями шить бродни и сапоги. Только один раз изменил он кустарному промыслу – нанялся матросом к пароходчику О. Н. Беклемышеву.

Именно школьные годы заложили в сельском парне стремление к самообразованию. По аналогии с рабочим-интеллигентом Павла можно назвать кустарем-интеллигентом: он был завсегда-тем общественной библиотеки, первым из ильинской молодежи стал выписывать газету «Копейка», проникал даже на спектакли в такое закрытое заведение, как клуб строгановских служащих. Возвращаясь через Москву после ранения домой, он не пьянствовал в кабаках, не просиживал вокзальные скамьи, а проводил время, осматривая достопримечательности города. Хотя добраться до Кремля и Большого театра ему с покалеченной рукой, вероятно, было непросто.

Таким образом, получение весьма добротного по дореволюционным меркам образования следует считать личной заслугой Павла Жакова: он с братьями находился в одинаковых условиях, а реализоваться, в том числе в написании мемуаров, смог только он. Текст воспоминаний свидетельствует о том, что его автор – один из лучших учеников ильинской школы, который имеет понятие о композиции, умело выстраивает сюжет, может сопрягать сведения «большой» истории с рассказом о личном, видит причинно-следственные связи, наконец, обладает большим словарным запасом, хорошим слогом.

Несмотря на короткое пребывание в действующей армии, Павел Гаврилович успел поучаствовать в одном из крупнейших сражений начала войны на Восточном фронте. В августе 1914 г. произошла Галицийская битва, и в Люблин-Холмской операции оказался задействован 152-й Владикавказский пехотный полк, в котором Жаков служил. Однако ранило его задолго до завершения операции. Русские части только разворачивались в боевые порядки на львовском направлении и попали в серьезную переделку. Неразбериху первых дней пребывания во фронтовой полосе мемуарист и описывает, чаще всего упоминая местечко Комаров. Благодаря этой географической привязке можно понять, что речь идет о Томашевском сражении на центральном участке 5-й русской армии. Превосходящие силы австрийцев под руководством генерала М. Ауффенберга атаковали русский 19-й пехотный корпус, в который входил и полк Жакова.

Опытный командующий В. Н. Горбатовский, герой Плевны и Порт-Артура, несмотря на угрозу полного окружения, смог удержать позиции, а затем отбросить врага и стабилизировать ситуацию [Зайончковский, 2002, с. 148–149]. Из воспоминаний Жакова видно, насколько сложно было наладить командование управление войсками и как трудно обыкновенному пехотинцу было вникнуть в оперативную обстановку и понять смысл происходящего. За успешные действия Горбатовский получил очередного «Георгия», а Павел Жаков – неожиданно для себя георгиевскую медаль. Хотя наградить его следовало если не за ратные подвиги, то уж точно за ранение. Именно в те трудные дни он в полной мере познал мучения человека, пробирающегося в тыл за медицинской помощью, поскольку в условиях окружения раненые были предоставлены сами себе. Жакову повезло, поскольку рука, прооперированная очень поздно, после «долечивания» стала действовать и он не остался инвалидом.

В предлагаемом отрывке воспоминаний Павла Гавриловича описан не только эпизод из Галицийского сражения. Интерес представляют три сюжета. Первый – рассказ о пребывании в учебной команде, показывающий, как проходила подготовка рядового состава к войне. Второй – история о том, как он раненый эвакуировался в тыл и как ему оказывалась медицинская помощь, поскольку о мытарствах по госпиталям в связи с тяжелым ранением известно, как правило, со слов

офицеров. Третий – описание способов избежать повторной отправки на фронт.

Публикаторов и исследователей привлекают «Я-тексты» Первой мировой войны, написанные от лица военных. Ценятся авторы, которым «посчастливилось» пройти войну от начала до конца, или те, кто участвовал в наиболее важных сражениях. Обращается внимание на время пребывания человека в действующей армии, тыловые или госпитальные эпизоды считаются второстепенными. Интерес к сугубо фронтовой тематике говорит о еще не слишком глубоком проникновении в изучаемую тему и о не самом широком ее охвате. Создание целостной картины восприятия Первой мировой потребует внимания и к предвоенному и послевоенному контексту, к тылу, к людям, не принимавшим непосредственного участия в боевых действиях. Обращение к разнообразным человеческим свидетельствам позволит вывести современные дискуссии о способах мемориализации «Великой войны» за рамки патриотического официоза. В этой связи воспоминания Жакова интересны тем, что затрагивают три важнейших пространства Первой мировой: фронт, тыл, госпиталь, а связующей нитью между ними выступает человеческая судьба.

Библиографический список

- Абдрашитов Э. Е.* Письма военнопленных Первой мировой войны как канал передачи информации // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 3.
- Зайончковский А. М.* Первая мировая война. СПб., 2002. Т. 1.
- Лобанов Д. А., Ощепков Л. Г., Суржикова Н. В.* Первая мировая война в воспоминаниях Василия Журавлева // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014.
- Намятова Е. С.* Личные письма периода Первой мировой войны в фондах национального архива республики Карелия // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв.: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации. Тверь, 2014.
- Нарский И. В.* Фронтовой опыт русских солдат. 1914–1916 годы // Новая и новейшая история. 2005. № 1. Первая мировая: взгляд из окопа. М.; СПб., 2014.
- Петрова И. С.* Эго-документ как информационный ресурс регионального архива по истории Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 4.
- Суржикова Н. В.* Это странное слово «эго-документы»: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // Документы личного происхождения в практике научных исследований. Тверь, 2014.
- Ушакин С. А.* Осколки военной памяти: «Все, что осталось от такого ужаса?» // Новое лит. обозрение. 2008. № 5.
- Хубулова С. А., Сосранова З. В.* Эго-документы как исторический источник по Первой мировой войне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1.
- Чехов Н. В.* Типы русской школы в их историческом развитии. М., 1923.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.01.2015

SOLDIERS' MEMOIRS: CORPORAL PAVEL ZHAKOV ON WORLD WAR I

S. V. Golikova

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 620990, Ekaterinburg, Kovalenskaya st., 16, Russia
avokilog@mail.ru

War ego-documents and demonstrate informational possibilities of letters, diaries, and memoirs. The memoirs of soldiers are especially important (and infrequent) in this context. The memoirs of Pavel Zhakov who was a native of Perm province are presented. The published fragment refers to the beginning of the battle of Galicia in August 1914. Three stories in Zhakov's memoirs are of particular interest. The first one is devoted to his stay in a training team and demonstrates how training of soldiers for the war took place. The second story tells how Zhakov was wounded and evacuated to the rear, and how he received medical care. The third one is a description of some practices (including the illegitimate ones) which allowed him to avoid being re-sent to the front. Zhakov began writing an autobiographical text a year before his death – in 1964, 50 years after the First World War. In the 1960s, many participants and witnesses of military conflicts of the first half of the 20th century wrote their memoirs. Zhakov's memoirs are of particular interest because though he served as an ordinary soldier, he could tell about the events better than soldiers usually did, as he got a good elementary education. He skillfully combined personal details and “big” history, demonstrated the understanding of cause-and-effect relationship and a good writing style.

Key words: ego-documents, memoirs of the soldiers, World War I, front, rear, medical aid to the wounded.

References

- Abdrashitov E. E. Pis'ma voennoplennykh Pervoy mirovoy voyny kak kanal peredachi informatsii. *Vestnik Toms. gos. un-ta. Istoriya*. 2012. № 3.
- Zayonchkovskiy A. M. Pervaya mirovaya voyna. SPb., 2002. T. 1.
- Lobanov D. A., Oshchepkov L. G., Surzhikova N. V. Pervaya mirovaya voyna v vospominaniyakh Vasiliya Zhuravleva. *Istoriya v ego-dokumentakh: issledovaniya i istochniki*. Ekaterinburg, 2014.
- Namyatova E. S. Lichnye pis'ma perioda Pervoy mirovoy voyny v fondakh natsional'nogo arkhiva respubliki Kareliya. *Ego-dokumental'noe nasledie rossiyskoy provintsii XVIII–XXI vv.: problemy vyyavleniya, khraneniya, izucheniya, publikatsii*. Tver', 2014.
- Narskiy I. V. Frontovoy opyt russkikh soldat. 1914–1916 gody. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2005. № 1.
- Pervaya mirovaya: vzglyad iz okopa. M.; SPb., 2014.
- Petrova I. S. Ego-dokument kak informatsionnyy resurs regional'nogo arkhiva po istorii Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. *Vestnik arkhivista*. 2014. № 4.
- Surzhikova N. V. Eto strannoe slovo «ego-dokumenty»: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost'. *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya v praktike nauchnykh issledovaniy*. Tver', 2014.
- Ushakin S. A. Oskolki voennoy pamyati: «Vse, chto ostalos' ot takogo uzhasa?» *Novoe lit. obozrenie*. 2008. № 5.
- Khubulova S. A., Sosranova Z. V. Ego-dokumenty kak istoricheskiy istochnik po Pervoy mirovoy voyne. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 2015. № 1.
- Chekhov N. V. Tipy russkoy shkoly v ikh istoricheskom razvitii. M., 1923.

Первая мировая война в воспоминаниях П. Г. Жакова¹

(публикуется с сокращениями)

Через две недели после зачисления на военную службу и гулянки, как рекрута, явились в город Пермь к воинскому начальнику, где ещё раз были осмотрены и зачислены в разные части, в разные города России. В основном отправляли в тот год: гвардейцев в тогдашний Петербург, пехоту на запад в Белоруссию, на Дальний Восток и в местный гарнизон.

Я, с Трубиным и Нечаевым, попал в Белоруссию в 152 Владикавказский пех. полк², стоящий в городе Брест-Литовский³. Отправили нас через Петербург с гвардейцами одним эшелонном. Вместе с нами много было заводских ребят: из Чусового, Мотовилихи и Добрянки⁴. С нашего Ильинского призывного пункта было сравнительно немного человек 10-12. Зачислили меня в 14-ю роту полка... Кроме нашего полка в городе Брест стоял 149 Черноморский полк⁵, 150-й Пятигорский⁶ дислоцировался в местечке Каргуз-Берёза⁷, а 150 Таманский⁸ – в городе Кобрин⁹. Это полки 38 пех. дивизии¹⁰. 38-я артбригада нашей дивизии стояла в местечке Пружаны¹¹. Это на зимних квартирах. А летом все съезжались к нам под Брест в лагеря, расположенные в 4-х километрах вдоль Киевского шоссе. Кроме указанных частей съезжались много артбригад с различным калибром: гаубицы, [два слова неразборчиво]. Крепостная артиллерия стояла на месте, а гарнизон в палатках внутри крепости за [слово неразборчиво].

Мы, пермяки, были зачислены в полк и вообще в дивизию впервые. Преобладали люди Воронежской, Саратовской, Харьковской и Полтавской губернии. Вместе с нами приехали ребята Екатеринбургского уезда. Немного позднее нас, но в меньшем количестве. Нас же было по 10 чел. на роту.

В небольшой прослойке были: эстонцы, латыши, литовцы, грузины, армяне, башкиры. На следующий год прислали из губерний: Тверской, [слово неразборчиво], Смоленской, Ростовской и Пензенской ... в учебной команде нам вбивали в голову: чинопочитание – словесно, караульную службу в гарнизоне, ружейные приемы, шагистику и подача команды при встречах с начальством. Когда ведёт какую-то команду – и очень недостаточно – тактических занятий в поле. О войне как будто никто не думал. В лагерях нередко нашу команду вызывали к офицерскому собранию, где пьяные старшие офицеры во главе с ком. полка, выходили на веранду кричали «Ура!» и велели нам петь песни вроде «Взвейтесь соколы орлами» да «В Таганроге случилась беда». Вот и вся учёба. Понятно, более развитым солдатам всё это было противно, но делать было нечего. Мне, как более грамотному и развитому, пришлось два месяца исполнять работу артельщика¹² по доставке продуктов питания с базы для питания учебной роты. По приходе обратно в роту нам были нашиты ефрейторские нашивки¹³. Старослужащие с 10-го года срока службы были уволены в апреле 1913 года, а старослужащие 1911 года – в октябре 1913 г. Надо было нас назначить на отделения и взводы, но все должности были заняты сверхсрочны-

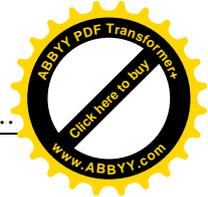

ми и служащими срока службы с 1912 года. Достаточно сказать, что на 1 и 2 и 3 взводах были сверхсрочные подпрапорщики¹⁴. Зимой и летом 1913–1914 годов пришлось быть и обучающим новобранцев, и ротным писарем, и рядовым солдатом. Однако в караул меня почему-то не посылали, а назначали дежурным по роте и кухне очень часто. Очевидно, потому что готовили меня в хозяйственную роту.

Грянула первая империалистическая война в июле 1914 года. Быстро перевели нас из лагерей на зимние квартиры. Началась демобилизация¹⁵ запасных. Офицеры, фельдфебели¹⁶, подпрапорщики занялись устройством семейных дел. Приёмкой мобилизованных, их распределением по взводам, обмундированием пришлось заняться мне вместе с [слово неразборчиво]. Добрую половину из нас, окончивших учебную команду, откомандировали и отправили на формирование запасного полка, а нам пришлось вскорости выступить. Однако на фронт мы попали нескоро.

В первый же день столкновения с войсками Австро-Венгрии, а направлены мы были на Львовском направлении, выяснилась неподготовленность полка к военным действиям. Наш батальон втянулся в густой лес, обстреливаемый артиллерией противника. Мне несколько раз пришлось с несколькими бойцами выходить на переднюю опушку леса для выяснения сил противника и занятой им позиции. Наконец оставшись один, по возвращении к расположению роты, наткнулся на наши 3 пулемёта «Максим» с десятком ящиков с лентами патронов. При пулемётах был наш пермский паренёк Могильников и пятеро солдат. Он попросил помочь меня ему выкатить из леса пулемёты и патроны, что я и сделал. И во время. Выйдя из леса и пройдя по гати¹⁷ через долину в 2 килом., мы поднялись на холм по дороге, по которой наступали утром. Смеркалось. Жители деревни, где мы остановились, куда-то все попрятались. Вскоре подошел наш батальон, и тут только я увидел своих офицеров, один из них поручик¹⁸ Ханнский обратился ко мне с вопросом: «Где я был?». Я указал на спасённые пулемёты и на солдат и пулемётчиков. Тем дело и кончилось. Дня через два-три вступили в местечко Комарово¹⁹, забитое пехотой нашей дивизии. В ночь прошли вперёд километров 8-10 и стали на ночь на хуторе. Я был начальником караула при полковом знамени на квартире командира полка. Не успели расставить часовых, прискакал казак и сообщил, что хутор полуокружен войсками противника. Пришлось срочно сниматься и идти обратно. Этот факт характеризует, какова была связь между частями и в самом полку. 17 августа к северу от Комарова, в который мы опять пришли через несколько дней, после двух-трёх боёв-перестрелок в южном направлении, при наступлении на окопавшегося противника я был ранен. Наступление вели почему-то одной ротой по совершенно открытой местности. Я был на правом фланге, командуя взводом. При перебежке мне подарили пулю в левое предплечье, с переломом кости. Оказалось, что мы защищали дивизионный полевой лазарет, куда меня привели ребята-екатеринбуржцы из взвода.

В деревню, где находился лазарет, вскоре вернулись все уцелевшие в роте. Тут меня угостил спиртом наш ротный ст. унтер-офицер, откомандированный в лазарет, Харитонов. Сделали мне перевязку. Уложили спать, а рано утром на другой день велели отступать, кто как может. Повозок было мало. Был орудийный обстрел деревни и лазарета. Пройдя несколько километров пешком с другими солдатами, меня посадили в повозку, где ехали раненые два офицера²⁰. Проехал несколько километров до следующего населённого пункта, где был лазарет, и переночевал в нём, на другой день двинулся дальше. И где пешком, где на попутной лошади добрался до гор. Грубешов²¹. Переночевал и опять дальше. Так добрался до Владимира Волынского²². Там попал в эшелон с ранеными и доехал до родного Бреста. Выгрузили в 3-й врем. военный госпиталь, расположенный в казармах Черноморского полка за городом. Где я и пробыл около полутора месяцев. Тут меня посетил быв. наш ротный фельдфебель заурядпрапорщик²³ Войтюк тоже раненый – легко и лечившийся, живя дома. От него я узнал о потерях, понесенных ротой. Затем меня переотправили²⁴ в гор. Смоленск, где сделали операцию, вынули осколки кости и пули. Сросли кость и выписали в команду выздоравливающ. 69 пех. запасного батальона. Там я пробыл две недели, встречал царя Николая Второго, приехавшего в Смоленск. Попал на комиссию и был отпущен на ½ года домой для выздоровления. Рука срослась, но атрофировались мускулы, и рука не работала, висела как кисть. Атрофия произошла потому, что рука была подвешена на лямке всё время. По дороге в Смоленск на станции Барановичи в поезд с ранеными и выздоравливающими явился главнокомандующий русскими

армиями Великий князь Николай Николаевич со штабными генералами и лично приколот мнe серебряную медаль «За храбрость» на георгиевской ленте, что было, конечно, совершенно случайно. В Смоленске попал в симбирский госпиталь Красного Креста, куда вскоре приехала какая-то высокая особа. Женщина беседовала с ранеными. О чём? Теперь я уже забыл. Но помню очень хорошо: из соседнего госпиталя приходили легкораненые, от которых мы узнали, что под Варшавой погибла императорская регулярная гвардия.

Из писем я знал, что оба брата Пётр и Фёдор мобилизованы и находятся в Троице-Сергиевском полку, дислоцированном в г. Перми²⁵. На мои письма ответа от них не было. Полк был или в пути на фронт, или уже на фронте. Из писем вестового²⁶ поруч. Шабанова нашей роты Омиласва Андрея, писавшего и в Брест, и Смоленск, я знал так же, что почти все мои друзья по роте убиты или ранены, и что полк продвинулся до реки Сан, что течёт в Галицию из Карпат... В связи с неудачами под Варшавой главнокомандующий В/к Николай Николаевич был смещён и заменён самим царём Николаем II – который, видимо, потому и появился в Смоленске, объезжая гарнизоны и некоторые госпитали вблизи гор. Могилёва, где была главная ставка.

Получив отпуск, поспешил домой через Москву, где осматривал Кремль, Большой театр, Тверскую улицу и др. В поезде пользовался услугами пассажиров, следовавших на восток, как кавалер и [слово неразборчиво] калека без руки.

В Ильинскую волость приехал первым раненым с войны. Вскоре приехал Истомин Пётр Павлович, раненый в запястье левой руки. Он был с братьями в одной роте. От него и узнали, что брат Пётр умер с перебитым хребтом, а Фёдор вместе с другими: Козминых и Безукладниковым, – пропал без вести.

Итак, я дома. После двух лет отлучки на службе в армии дома изменилось немного. У брата Осипа, как и раньше, детей не было, а у брата Петра были двое: сын годовой и дочь, оставшиеся сиротами. Жили они отдельно от отца, в доме дедушки Ефтефия Харитоновича, которого уже не было в живых. Брат Фёдор за год жизни дома жениться не успел. Сестра Александра была девушкой и жила при родителях с братом Осипом. Молодёжи из моих сверстников-мужчин были дома пока единственные сыновья, не подлежащие службе в армии. Из девушек многие повыходили замуж, а некоторые выехали куда-то.

Началось, прежде всего, долечивание руки. Надо было, чтоб она у меня владела, как и здоровая правая рука. В Ильинской больнице, по счастью, имелась электрическая машина. Как она называлась – не знаю. Её водили вдоль по руке от кисти и до плеча. После нескольких сеансов дело пошло на лад, и к весне рука уже работала как здоровая. Надо было готовиться опять на службу в армию, т.е. на войну. А положение на фронте к этому времени не было блестящим. Галиция с городом Львовом и крепостью Перемышль были заняты русскими войсками, зато наши Польша с Варшавой были заняты немцами. Конца войны не было видно, и в армию призывали всё новые и новые контингенты из молодёжи и ратников²⁷ старших возрастов. В середине июня м-ца меня вызвали на комиссию в город Пермь, которая происходила в Екатерининском училище на улице Большевикская ныне, а в прошлом Екатерининская²⁸. На комиссию собралось много нашего брата первых инвалидов. В т. числе был один сослуживец из нашей роты родом из завода Лысьва²⁹ Прядильщиков Пётр Васильевич с выбитым глазом, и один наш Ильинский из деревни Чащина Коняев Степан Фёдоров, с перебитой ногой на костылях.

Братва-солдаты, как известно, знакомятся быстро и чутьём угадывают своих друзей. Мыслиё у всех было одно: по возможности хитрить; так как пребывание на фронте уже тогда в 1915 году на кое-что открыло глаза тем, кто думал. В результате все мы трое были отставлены по чистой. Вернувшись домой, я пошел сенокосить, а потом махнул в Пермь на поиски такой работы, откуда на фронт не попадают. Промучившись в бесполезных поисках недели две-три, случайно наткнулся на то, что искал...

Я попал случайно к Ак. О-ву «Кавказ и Меркурий»³⁰ – на пристань Пермь в качестве пом. приёмщика грузов с берега, а через м-ц приёмщиком. Старший приёмщик Шарин Николай Никитич перешёл в контору пом. глав. бухгалтера, т.к. приёмщиком работал временно. Из водного транспорта в армию не брали, поэтому я постарался обосноваться прочно. Летом 1916 года женился. А в июле м-це 1917 года заразился брюшным тифом от персов-грузчиков, работавших в тот год на Пермских пристанях – и слёг надолго. Февральскую революцию 1917 года встречали

с большим подъёмом вместе с рабочими Мотовилихи. Октябрьская – застала меня в деревне – дома выздоравливающим, но всё ещё очень слабым.

Забыл сказать про брата Осипа. Он был мобилизован в армию, когда меня дома уже не было, т.е. зимою 1915 или в начале 1916 года. Пробыл он на фронте почти два года, был ранен, приезжал домой, и в Перми мы с ним фотографировались в первый и последний раз. Домой из армии он вернулся осенью 1917 года после развала фронта из Румынии. Помню мать, отец и остальные ждали прихода домой брата Фёдора, как пропавшего без вести, но так и не дождались, пропали и его товарищи. Те же, кто работали на водном транспорте, так и не были взяты в армию до конца войны.

Примечания

¹ Заголовок публикатора.

² 152-й пехотный Владикавказский генерала Ермолова полк, входивший в 38-ю пехотную дивизию.

³ Уездный город Гродненской губернии.

⁴ Чусовской, Мотовилихинский и Добрянский заводы Пермского уезда Пермской губернии

⁵ 149-й пехотный Черноморский полк, расквартированный в Гродненской губернии также входил в 38-ю пехотную дивизию.

⁶ Описка или ошибка: в Гродненской губернии был расквартирован 151-й пехотный Пятигорский полк, также входивший в 38-ю пехотную дивизию.

⁷ Местечко в Пружанском уезде Гродненской губернии, в 16 верстах от уездного города, при р. Ясельде.

⁸ 150-й пехотный Таманский полк, входивший в 38-ю пехотную дивизию.

⁹ Уездный город Гродненской губернии на реках Кобринце и Мухавце.

¹⁰ Пехотное соединение из 149-, 150-, 151-, 152-го полков и 38-й артиллерийской бригады, входившее в состав 19-го армейского корпуса.

¹¹ Ошибка: не местечко, а уездный город Гродненской губернии на р. Мухе.

¹² Лицо, ведающее питанием группы военнослужащих.

¹³ Ефрейтор – воинское звание, присваиваемое старшим рядовым.

¹⁴ Одно из унтер-офицерских званий.

¹⁵ Описка или ошибка. Правильно: мобилизация.

¹⁶ Звание старшего унтер-офицера.

¹⁷ Настил из бревен через трясины.

¹⁸ Второй обер-офицерский чин.

¹⁹ Местечко Комаров(о) Люблинской губернии.

²⁰ Так в документе.

²¹ Уездный город Холмской губернии.

²² Уездный город Волынской губернии.

²³ Высшее воинское звание для унтер-офицеров.

²⁴ Так в документе.

²⁵ 194-й Троице-Сергиевский пехотный полк 49-й дивизии 24-го армейского корпуса.

²⁶ Солдат для выполнения служебных поручений офицера.

²⁷ Военнообязанные запаса.

²⁸ Городское начальное четырехклассное Екатерино-Петровское училище.

²⁹ Лысьвенский завод Пермского уезда Пермской губернии.

³⁰ Акционерное общество «Кавказ и Меркурий» – крупнейшее российское пароходство.